

МОЁ ФИЛОСОФСКОЕ ПОКОЛЕНИЕ¹

В.А. Лекторский
Институт философии РАН

Аннотация: В статье различаются биологические, социально-психологические и философские поколения. В случае последних речь идет не о просто о возрасте тех, кто делает философию, а о появлении новой философской проблематики и нового отношения к самой философии, понимания ее культурной роли, того, что называется «философским образом жизни». В статье исследуется драматическая история жизни и деятельности поколения людей, которые стали определять философскую жизнь страны начиная с конца 50-х гг. прошлого века. Автор анализирует результаты деятельности этого поколения и обосновывает тезис о том, что под знаком этого поколения отечественная философия развивалась всю вторую половину XX в. и что представители этого поколения существенно повлияли на философскую жизнь нашей страны уже в течение прошедших двух десятилетий XXI столетия. Показывается современное значение идей, выдвинутых представителями этого поколения.

Ключевые слова: философия поколения, теория познания, философская антропология науки о человеке, Институт философии, «Вопросы философии».

Я думаю, что поколения в социально-психологическом смысле и поколения философские различаются.

В свою очередь, есть отличия между социально-психологическим поколением и поколением биологическим. Последнее – просто совокупность людей, родившихся в определенные годы и проживших некий отрезок времени. Социально-психологическое поколение объединяет общность в понимании важного и неважного, в оценке событий и людей, в устремлениях и ожиданиях, в характере общения. Эта внутр поколенческая общность возникает в результате того, что люди, родившиеся и взрослевшие в одни и те же годы, пережили в юности события, изменившие социальную жизнь, и выработали в связи с этим новые личностные установки. Именно последние отличают одно социально-психологическое поколение от другого. Представители предыдущего поколения переживают новые события в том возрасте, когда их отношение к жизни уже сложилось и принципиально не меняется. Поэтому люди, к нему принадлежащие, остаются в рамках своего поколения и не вливаются в ряды другого. Совсем иной характер имеет переживание этих событий молодыми людьми,

¹ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 1232 с., ил. – С. 267–284.

чье отношение к жизни только формируется. Вот они и образуют новое социальное поколение.

Подход к пониманию социальной динамики с точки зрения смены социально-психологических поколений может быть полезен: сегодня, например, пишут о поколениях X, Y, Z. В этой связи хочу сделать одно важное разъяснение.

Дело в том, что, хотя социальное поколение привязано к временной шкале (есть время появления поколения и время его ухода со сцены), само по себе течение времени и приход молодых на место стариков не определяет смену таких поколений. Новое поколение в этом смысле появляется только тогда, когда происходят некие важные изменения в социальной, политической, культурной жизни, в технологиях и средствах коммуникации и когда эти изменения формируют установки людей, вступающих во взрослую жизнь. Если этого нет, то новых социально-психологических поколений (в отличие от поколений биологических) не возникает. Бывают времена, когда идет быстрая смена первых – это особенно хорошо можно видеть в наши дни. Но если жизнь застойна, если в ней повторяются одни и те же стереотипы поведения и коммуникации, то смены социальных поколений – не в смысле прихода одних людей на смену другим, а в смысле появления новых способов жизнедеятельности – не происходит. Одни люди умирают, другие вступают во взрослую жизнь, но это не всегда означает появление нового поколения в социальном смысле.

С философскими поколениями дело обстоит еще сложнее. Ибо в этом случае речь идет не просто о возрасте тех, кто делает философию, а о появлении новой проблематики и нового отношения к самой философии, понимания ее культурной роли, того, что называется «философским образом жизни». Важно заметить, что в одно и то же философское поколение могут входить люди, принадлежащие к разным социально-психологическим поколениям, тем более к разным биологическим поколениям. И наоборот, люди, принадлежащие к одному социальному поколению, могут не входить в определенное философское поколение, а принадлежать другому. Есть еще одна важная особенность в отношениях между философскими поколениями. Существует не только некая общность между теми, кто принадлежит одному из них. Философские поколения (если речь идет о настоящей философии, а не о ее имитации) не вытесняют друг друга с исторической сцены, а перекликаются друг с другом, постоянно ведут «межпоколенческую» дискуссию. В некотором смысле такие поколения всегда живут вместе и взаимодействуют друг с другом. Идеи Канта, Гегеля или Гуссерля не исчезают и могут приобрести новую актуальность в наши дни. Можно сказать, что они – «наши современники». Сегодня специалисты в области квантовой механики для того, чтобы понять смысл используемых ими математических формализмов, начинают изучать идеи Платона и Аристотеля, живших более двух тысяч лет тому назад.

Теперь я расскажу о моем философском поколении как я его себе представляю.

Это поколение людей, которые стали определять нашу философскую жизнь начиная с конца 50-х гг. прошлого века. С моей точки зрения, под знаком этого поколения отечественная философия развивалась всю вторую половину XX в. Я думаю, что это неплохо показано в вышедшей под моей редакцией серии из 22 больших томов «Философия России второй половины XX века» (последний, итоговый том был недавно издан в США в переводе на английский язык и был хорошо встречен специалистами). Я скажу больше. Я считаю, что представители этого поколения существенно повлияли на философскую жизнь нашей страны уже в течение прошедших двух десятилетий XXI столетия.

Но сначала скажу несколько слов о себе, о том, как я пришел в философию, как влился в наше философское поколение.

Когда я поступал на факультет, то имел очень смутное представление о философии. В 10-м классе я уже понимал, что хотел бы заниматься гуманитарными науками. Но какую

из них выбрать, было не очень ясно. Как мне кажется, три обстоятельства повлияли на мой выбор факультета. В 1948 г. я прочитал только что вышедшую в русском переводе книгу А. Эйнштейна и Л. Инфельда «Эволюция физики», которая произвела на меня сильнейшее впечатление. Прежде всего тем, что в ней обсуждались философские вопросы: возможности и трудности научного познания, изменение образов мира и знания в процессе эволюции физики. Второе обстоятельство – это мир русской классики: Толстой, Достоевский с их глубочайшими философскими проблемами (Достоевского тогда в школе не изучали, но наш преподаватель и рассказывал о нем, и рекомендовал нам его читать). Это Белинский и Писарев, которыми я увлекался в 8-м и 9-м классах, читал не то, что было рекомендовано по программе, а всё подряд. Наконец, третье – это дружба с Генрихом Батищевым, с которым мы не только вместе учились начиная с 4-го класса, но и дружили. У Генриха не было никаких сомнений относительно того, куда поступать после окончания школы – только на философский факультет! Его отец был философом, работал одно время в Отделе агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), но затем был оттуда уволен (как я узнал впоследствии, по личному указанию И.В. Сталина). Генрих в это время уже читал философскую литературу, однажды дал мне посмотреть что-то из Гегеля. Я, конечно, мало что понял, но решил, что это интересно и как раз то, что мне нужно: совмещает всё то, что меня интересовало: и в сфере понимания оснований научного знания, и в области смысложизненных проблем. Так в 1950 г. я оказался на философском факультете МГУ, довольно плохо представляя, что меня ждет. Я быстро убедился в том, что попал не туда, куда стремился, или, точнее, не совсем туда. Большинство курсов преподавались предельно догматично. Но были и исключения.

Были замечательные семинары по историческому материализму, которые вели у нас сначала В.Ж. Келле, а затем В.П. Калацкий – оба учили умению критически анализировать тексты, аргументировать свою позицию, хотя, казалось бы, это было трудно делать на материале той весьма идеологизированной дисциплины, которую они преподавали. Замечательно читал лекции по политической экономии капитализма Р. Мансилья. Читал лекции и вел семинары наш выдающийся психолог П.Я. Гальперин. Много мне дало изучение истории западной философии. Помню основательные лекции О.В. Трахтенберга, семинары, которые у нас вел Ю.К. Мельвиль. Юрий Константинович заставлял изучать тексты философской классики. Поэтому уже в эти годы я получил первое знакомство с Кантом и Гегелем, достаточное для того, чтобы понять всю серьезность проблематики, обсуждавшейся в истории философии, – на этом фоне преподававшийся нам курс диамата сильно проигрывал. Вообще учеба на философском факультете позволяла знакомиться с классическими философскими текстами. Это было обязательным даже в сталинские годы. И если к тому же попадался думающий преподаватель, то, по крайней мере, по некоторым дисциплинам можно было получить неплохую подготовку. Большую роль в развитии нашего поколения сыграли лекции Т.И. Ойзермана по истории марксистской философии.

Но переворот в понимании философии и выбор собственного пути в этой области произошел у меня в 1954 г., когда Э.В. Ильенков начал читать спецкурс по логике «Капитала» Маркса. Я стал его последователем. В середине 50-х гг., с моей точки зрения, у нас произошла своеобразная философская революция. Возникло новое философское поколение. Я вступил в его ряды. В чем особенности этого поколения?

Это стремление возродить настоящую философию после десятилетий ее догматического удушения.

Это стало возможным после смерти Сталина и XX съезда КПСС. У истоков философской революции в нашей стране стояли два молодых человека, только что закончивших аспирантуру философского факультета Московского университета: Э.В. Ильенков и А.А. Зиновьев. К ним стали примыкать еще более молодые люди, в том числе я, завершавший в то вре-

мя учебу на философском факультете университета, а также другие выпускники факультета: И.Т. Фролов, Г.П. Щедровицкий, Б.А. Грушин, М.К. Мамардашвили, Н.В. Мотрошилова, Г.С. Батищев, В.М. Межуев, Л.К. Науменко, В.С. Швырёв, В.Н. Садовский и многие другие.

Наши лидеры Э.В. Ильенков и А.А. Зиновьев принадлежали к другому биологическому и даже социально-психологическому поколению, чем мы. Ведь они были участниками войны, смотрели смерти в лицо. У нас не было такого опыта, хотя память детского переживания войны была у каждого. И тем не менее мы чувствовали себя единым с ними философским поколением.

В наше движение, направленное на радикальное изменение философии, активно вошли такие люди, которые принадлежали к другим биологическим и социальным поколениям и начали свою философскую деятельность задолго до войны.

Это А.Ф. Лосев, опубликовавший восемь больших книг с оригинальными идеями еще в 20-е гг., затем сидевший в сталинском лагере, после этого лишенный возможности публиковать философские тексты в течение нескольких десятилетий и заживший новой и исключительно плодотворной философской жизнью в 60-е гг. и 70-е гг. Это М.М. Бахтин, выпустивший еще в 1929 г. книгу, получившую в 70-е гг. мировую известность, активно работавший в 60-е и 70-е гг. и ставший кумиром нашего поколения. Это Б.М. Кедров, начавший философскую деятельность до войны, участник войны, а в 70-е гг. директор Института естествознания и техники АН СССР – он активно работал сам, поддерживал новое философское движение и спасал многих представителей нашего поколения от идеологических преследований. Это М.А. Лифшиц, еще в 30-е гг. ставший близким другом легендарного Г. Лукача, с которым он тогда вместе работал. В 60–70-е гг. публикации Лифшица были событиями в философской жизни. Важную роль в нашем формировании сыграли в конце 50-х гг. лекции Т.И. Ойзермана о раннем Марксе и о немецкой классической философии. Т.И. Ойзерман — участник войны, защитивший кандидатскую диссертацию в июне 1941 г.

Мы верили в важность и нужность настоящей философии, в необходимость честной работы, не подверженной политической конъюнктуре, в отмежевание философии от идеологии – слово «идеолог» было для нас бранным (у нас в ходу была кличка «прохиндей» для обозначения жуликоватых защитников официальных догм). В Институте философии АН СССР, в котором начиная со второй половины 50-х гг. стали работать многие представители нашего поколения, в том числе я, в 50-е, 60-е и 70-е гг. регулярно выходила стенная газета, в которой публиковались карикатуры на «прохиндеев», занимавших высокие начальственные посты, печатались ядовитейшие стихи. Читать стенную газету приходили люди со всей Москвы. Карикатуры рисовали Э.В. Ильенков, А.А. Зиновьев, Е.П. Никитин. Стихи писал Э.Ю. Соловьев.

Еще одна особенность нашего поколения. Для нас главным в жизни было занятие философией как самым важным и серьезным делом – мы это не обсуждали, это подразумевалось. Не нужно делать административную карьеру, так как пребывание в любой начальственной должности мешает свободной творческой деятельности. Не было и стремления заработать побольше денег. Во-первых, это было невозможно. Зарплата была фиксированной: существовали тарифные ставки, при этом их размеры для разных категорий научных сотрудников не слишком сильно различались. Не было ни существующей ныне системы надбавок, ни разного рода грантов. Во-вторых, главным критерием оценки был творческий вклад человека, а не размер его квартиры, наличие машины, дачи и т. д. Обсуждать, сколько кто получает, считалось неприличным. Все жили более чем скромно, почти одинаково. При этом один или два раза в месяц мы могли пойти небольшой компанией в ресторан Дома журналистов (обычно после партийных собраний института), это было недорого, вполне по нашим деньгам.

Все мы считали, что нужно ориентироваться на науку и теоретическое мышление. Э.В. Ильенков в знаменитых «Тезисах» о предмете философии, написанных вместе с другим молодым преподавателем философского факультета университета, В.И. Коровиковым (обсуждавшихся на факультете в 1954–1955 гг. и ставших причиной изгнания авторов из университета), защищал идею о том, что именно теоретическое мышление и есть предмет философии и что поэтому философия является теорией познания. При всех концептуальных разногласиях между Ильенковым и Зиновьевым последний разделял такое понимание философии и поддерживал Ильенкова во время обсуждений «Тезисов». Многие из нашего поколения исходили именно из этого понимания философии. Наши гонители называли нас «гносеологами» – для них это было чем-то вроде клейма, которым метили еретиков, мы же гордились этим званием. Но даже те, кто не разделял полностью идеи «Тезисов» (считал, например, что наряду с теорией познания в философию входит онтология и этика), увлеклись исследованием проблематики познания, мышления, науки, так как именно в этой области можно было наиболее интересно работать. Если угодно, это было своеобразным философским сциентизмом.

Впоследствии высказывалось мнение о том, что наше поколение сознательно ушло в изучение мышления (теория познания, логика, философия и методология науки), чтобы лучше укрыться от идеологического давления, которое, конечно, было несравненно большим в том случае, если исследовались проблемы социальной философии. В этом мнении есть доля истины: действительно, при анализе познавательной проблематики можно было выдвигать оригинальные идеи (и немало таких идей было предложено, о чем я позже скажу), а это практически было невозможно в таких дисциплинах, как исторический материализм и научный коммунизм. Но это лишь доля истины. Дело в том, что понимание философии как теории познания совершенно не было способом «укрытия» от анализа жизненных проблем. Наше поколение острокритически относилось к социальной действительности нашей страны. Доклад Н.С. Хрущева с разоблачением Сталина на XX съезде КПСС в 1956 г. был таким потрясением, которое перевернуло нашу жизнь. Мы остро переживали то обстоятельство, что после этого доклада не произошли те коренные перемены, которых мы ожидали. Идеалом поколения был «социализм с человеческим лицом». Лозунг в такой формулировке был предложен чехословацкими реформаторами в 1968 г., но в нем выражено именно то устремление, с которым мы входили в философию уже в конце 50-х гг. – не даром мы сочувствовали «пражской весне» и остро переживали ее поражение. Марксизм мы понимали как науку, воплощенную в «Капитале», и как гуманистический проект, выраженный в «Философско-экономических рукописях» Маркса, а не как ходячий официальный марксизм-ленинизм. Серьезным способом социальных изменений, считали мы, является наука, а философия – это критическая рефлексия над ней. Как раз культивирование творческого мышления, как мы считали, и является ключом к социальным реформам. Э.В. Ильенков написал имевшую большой резонанс статью «Школа должна учить мыслить», ряд специалистов в педагогической психологии во главе с В.В. Давыдовым подхватили эти идеи. Важно и то обстоятельство, что начиная со 2-й половины 50-х гг. власть в нашей стране стала придавать науке всё большее значение, а затем провозгласила необходимость соединения социализма с научно-технической революцией. Наука оказалась той социальной силой, с которой вынуждены были считаться даже идеологические манипуляторы.

Я хочу обратить внимание на то, что новое философское движение, связанное с жизнью и деятельностью нашего поколения, не было чем-то замкнутым на исследование проблематики, представляющей узкий академический интерес. Этот «когнитивный поворот» в философии, связанный с деятельностью нашего поколения, совпал с интенсивным развертыванием исследования познавательных процессов в психологии (цикл работ по изучению мышления

в школах С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева), математическим моделированием мыслительных процессов, когнитивной лингвистикой (В.В. Иванов), семиотикой (Ю.М. Лотман и его школа, непосредственно выходящие в философскую проблематику), исследованиями в области кибернетики (А.Н. Колмогоров), историей естествознания. Эти исследования осуществлялись на мировом уровне и получали международное признание. Ряд теоретиков в области математики и естественных наук (математик А.А. Марков, физик П.С. Капица, биологи И.И. Шмальгаузен и В.А. Энгельгард и др.) начинают проявлять интерес к философии и включаться в обсуждение философской тематики, связанной с их научными исследованиями. Началось интенсивное взаимодействие философов, естествоиспытателей и ряда представителей наук о человеке. Регулярно стали проводиться всесоюзные конференции по философии, логике и методологии науки.

Тем не менее на философию, даже такую, которая опирается на науку, пытались оказывать идеологическое давление. Изучение познания, мышления, науки вовсе не избавляло от преследований со стороны властных структур. Как раз нас официальные идеологи считали особо опасными ревизионистами. Мы жили в обстановке непрекращающейся идеологической травли. Травили Э.В. Ильенкова – это повлияло на его раннюю смерть. А.А. Зиновьев был исключен из партии и изгнан из страны. Исключили из партии Э.Г. Юдина, М.К. Петрова, Г.П. Щедровицкого. Травили И.Т. Фролова, М.К. Мамардашвили, Г.С. Батищева, В.С. Библера. Мы испытывали трудности с печатанием текстов. У многих осталось большое рукописное наследие, которое стало источником публикаций после смерти и, как правило, уже в другое время. Что-то из неопубликованного читалось близкими, друзьями, учениками, обсуждалось на семинарах, передавалось из рук в руки. Что-то существовало в виде магнитофонных записей докладов, выступлений.

В этой связи я хочу подчеркнуть вот какое важное обстоятельство. В этой тяжелейшей идеологической обстановке настоящая (а не официальная) философская жизнь была весьма интенсивной. Я вспоминаю эти годы как время появления множества новых идей, дискуссий, как время заинтересованного и критического чтения работ друг друга, участия в совместных семинарах и конференциях, как время интенсивных контактов с учеными, деятелями культуры. В это непростое время мы верили в будущее страны и философии, в «социализм с человеческим лицом».

Хочу обратить внимание еще на одну особенность философской жизни нашего поколения. Дело в том, что, хотя все его представители исходили из того, что исследование познания, мышления, научного познания – это важнейшее дело философии, в понимании того, каковы познавательные процессы и как их лучше изучать, между ними были разногласия. Именно в рамках этого поколения появляется то, чего не было в нашей стране на протяжении нескольких предшествующих десятилетий. Возникают стабильно существующие и развивающиеся философские школы, исходящие из разных концептуальных позиций, остро спорящие друг с другом. При этом такие школы появились не только в Москве (школы Э.В. Ильенкова, А.А. Зиновьева, В.С. Библера, Г.С. Батищева, Г.П. Щедровицкого, системное движение И.В. Блауберга, Э.Г. Юдина, В.Н. Садовского и др.). Они действуют и в других городах и регионах страны, в частности киевская школа под руководством П.В. Копнина, минская школа, основанная В.С. Стёпиным, и др. В этой связи я хочу обратить внимание на важнейшую черту жизни нашего поколения того времени. При всех острейших спорах между Э.В. Ильенковым и А.А. Зиновьевым, М.К. Мамардашвили и Г.С. Батищевым, Г.П. Щедровицким и В.С. Библером, все они считали себя представителями нового философского движения, совместно противостоящими официальной философии. Я вспоминаю, как после заседаний нашего сектора теории познания в Институте философии АН СССР, во время которых шла такая критика текстов (например, взаимная критика Э.В. Ильенкова

и Е.П. Никитина, Г.С. Батищева и В.С. Швырёва), что «только щепки летели», все мы дружно отправлялись в близлежащее кафе, и там беседа шла уже совсем в другом тоне.

Другое время наступило после 1968 г. Произошел драматический раскол в нашем поколении, отход от некоторых старых представлений, ранее объединявших всех его представителей, а в иных случаях и разрыв личных взаимоотношений.

Но это произошло не сразу. Начинаясь 1968 г. очень хорошо. Произошли события, которые вносили нечто новое в жизнь поколения и при этом воспринимались нами вполне положительно. Весной этого года И.Т. Фролов, автор оригинальных идей в области философии биологии, стал главным редактором главного философского журнала страны «Вопросы философии». И.Т. Фролов создал поистине революционную редакционную коллегию, в которую вошли М.К. Мамардашвили (в качестве заместителя главного редактора), А.А. Зиновьев, Б.А. Грушин, Ю.А. Замошкин, П.В. Копнин, Б.М. Кедров, В.Ж. Келле и др. И.Т. Фролов предложил и мне войти в состав редколлегии и возглавить отдел диалектического материализма. Я согласился. Незадолго до этого П.В. Копнин стал директором Института философии АН СССР (перед этим он работал в течение нескольких лет в качестве директора Института философии Академии наук Украины, и провел там революционные реформы). В начале 1969 г. по предложению П.В. Копнина я стал заведовать сектором диалектического материализма Института философии АН СССР. Конечно, это было чем-то небывалым. Впервые люди из нашего поколения стали занимать руководящие позиции в философии. Как я писал выше, до этого мы отрицали возможность занимать административные посты, так как думали, что в этом случае мы не принесем большой пользы для философии, а погубим себя как творческих людей – идеологическое начальство заставит нас играть по своим правилам, что бы мы ни пытались делать. И.Т. Фролов считал, что в 1968 г. ситуация изменилась. Дело в том, что до этого он в течение некоторого времени работал в качестве помощника секретаря ЦК КПСС по идеологии П.Н. Демичева и поэтому имел неплохую поддержку в партийном аппарате. И.Т. Фролов полагал, что, опираясь на журнал и имея в качестве союзника П.В. Копнина, можно будет радикально изменить ситуацию в отечественной философии. И первоначально казалось, что эти ожидания сбываются. «Вопросы философии» не только стали играть роль одного из главных центров философского обновления, но и начали притягивать к себе творческую интеллигенцию из других сфер культуры. В журнале публиковались интереснейшие философские тексты. Возникла традиция регулярного проведения круглых столов по острым проблемам развития современной жизни: естествознание, экология, образование, история. В них наряду с философами участвовали наши крупнейшие ученые и деятели культуры: П.Л. Капица, Н.Н. Семёнов, В.А. Энгельгард, А.Я. Гуревич и др. Начал изменяться Институт философии АН СССР под руководством П.В. Копнина, который делал ставку на новую проблематику и на философскую молодежь.

Нужно сказать, что в 60-е гг. происходит перемещение центров развития нашей философии. Если до середины 50-х гг. таким центром был философский факультет МГУ, то после изгнания из него Э.В. Ильенкова и А.А. Зиновьева, после идеологической кампании против «гносеологов», после ухода с факультета таких ярких представителей нашего поколения, как М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкий, И.Т. Фролов, Б.А. Грушин и др., новая философия находит другие места обитания.

Это прежде всего Институт философии АН СССР, куда уже с конца 50-х гг. приходят с философского факультета МГУ Э.В. Ильенков, А.А. Зиновьев, Н.В. Мотрошилова, Э.Ю. Соловьёв, В.С. Швырёв, О.Г. Дробницкий, Л.Н. Митрохин, Г.С. Батищев, В.А. Смирнов, а впоследствии А.А. Гусейнов, В.М. Межуев, В.С. Тюхтин, Е.П. Никитин, Б.И. Пружинин, Н.Н. Трубников, В.Н. Порус, И.Т. Касавин, Е.Л. Черткова, И.П. Меркулов, М.Т. Степанянц, Н.И. Лапин и др., а также увлекшиеся философией специалисты в области естествозна-

ния и гуманитарных наук: И.А. Акчурин, Н.С. Автономова, В.П. Филатов, В.И. Аршинов и др. Я поступил в аспирантуру института в 1957 г. и с тех пор работаю в нем всю жизнь: больше 60 лет.

Это «Вопросы философии», где с конца 50-х гг. стали работать И.Т. Фролов, М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьёв, В.Н. Садовский, И.В. Блауберг, Б.Г. Юдин и где в 1968 г. появилась революционная редколлегия во главе с И.Т. Фроловым.

Это с середины 60-х гг. Институт истории естествознания и техники АН СССР, когда его директором стал Б.М. Кедров. Сюда перешли работать философы, ушедшие с других мест по разным причинам (в том числе и потому, что их не брали в иные учреждения – по подозрению в инакомыслии, а иной раз и вследствие исключения из партии, а Б.М. Кедров принимал в свой институт талантливых людей и поддерживал их): В.С. Библер, А.С. Арсеньев, Э.Г. Юдин, В.Н. Садовский, И.В. Блауберг, А.П. Огурцов, П.П. Гайденко. Потом к ним добавились М.К. Мамардашвили, Б.С. Грязнов, А.Ф. Зотов, В.Л. Рабинович, А.В. Ахутин, В.С. Визгин и др.

Наконец, это «Философская энциклопедия», издание которой в 1960–1970 гг. было большим событием в нашей философской жизни: в ней был опубликован ряд принципиальных статей Э.В. Ильенкова, А.А. Зиновьева, М.К. Мамардашвили, Г.С. Батищева, Ю.А. Левады, С.С. Аверинцева и др., впервые за многие годы было рассказано о русских религиозных философах, идеи которых в те годы нельзя было обсуждать на академическом уровне. Велика заслуга в этом А.Г. Спиркина, бывшего заместителем главного редактора этого грандиозного издания. В «Энциклопедии» работали в разные годы наши друзья: П.П. Гайденко, З.А. Каменский, Э.Г. Юдин, М.В. Туровский, А.И. Володин, одно время Э.В. Ильенков.

Но в начале 70-х гг. в жизни нашего философского поколения и в новом философском движении, которое мы представляли, происходят существенные изменения. В политическом плане на эти сдвиги повлиял ввод советских танков в Чехословакию в конце 1968 г., положивший конец не только «пражской весне», но и надеждам на обновление социализма в России. Многие представители нашего поколения разочаровались в наивном сциентизме, который воодушевлял нас в конце 50-х и в 60-е гг., и постепенно стали выдвигать на первое место антропологическую проблематику в качестве самостоятельной, а не производной от эпистемологических и методологических исследований. Ряд философов антропологической ориентации отходят от марксизма, усваивают феноменологические и экзистенциальные идеи западной и русской философии, а в некоторых случаях дают экзистенциально-антропологическую трактовку идей Маркса. Рано отошел от марксизма и стал яростным критиком советской системы А.А. Зиновьев. Критиками марксизма стали Г.С. Батищев, который сначала был одним из самых интересных интерпретаторов ранних гуманистических идей Маркса, М.К. Мамардашвили, который свою известную концепцию «превращенных форм» создал в связи с изучением «Капитала». При этом Г.С. Батищев пытался ассимилировать идеи православной философской теологии, а М.К. Мамардашвили – идеи экзистенциальной феноменологии. От Маркса и марксизма стали отходить также В.С. Библер, М.К. Петров. Остались убежденными марксистами Э.В. Ильенков, И.Т. Фролов, П.В. Копнин. Но они трактовали Маркса и марксизм по-своему. И в их творчестве в эти годы происходит определенное изменение проблематики: антропологические сюжеты выходят на первый план.

Эти перемены сказались и на личных взаимоотношениях. Хотя Э.В. Ильенков и А.А. Зиновьев, два лидера нашего поколения, всегда сильно спорили друг с другом, так как по-разному понимали многие философские вопросы, это не мешало им оставаться близкими друзьями, одинаково оценивать происходившее в социальной жизни, вместе противостоять официальной философии. В 70-е гг. их старая дружба прекращается. А.А. Зиновьев выбирает путь прямого противостояния социальной системе, публикует за рубежом романы, в которых

дается злейшая критика советского общества. Э.В. Ильенков остается марксистом (в своем понимании) и, несмотря на происходившие события, которые он тяжело переживал, сторонником «социализма с человеческим лицом». Э.В. Ильенков продолжал считать, что именно философской деятельностью можно влиять на изменение социальной обстановки. Некоторые близкие к нему люди, ранее разделявшие его идеи, отходят от него и в философском плане, и в плане личных отношений: А.С. Арсеньев, Ю.Н. Давыдов.

В это же время усиливается идеологический натиск на представителей нашего поколения.

П.В. Копнину не дали провести реформу Института философии АН СССР, его деятельность как директора стала предметом разборки в ЦК и МГК КПСС, его книги были подвергнуты идеологическому разносу на заседаниях Отделения философии и права АН СССР. В 1971 г. он умер в возрасте 49 лет, и всем, кто знал о сложившейся вокруг него обстановке, было ясно, что его преждевременная смерть – результат непрекращавшихся гонений на него со стороны официальных структур.

В 1973 г. директором Института философии стал Б.М. Кедров, перейдя на этот пост из Института истории естествознания и техники, где, как я писал, он собрал целую плеяду блестящих философов. Он пытался продолжить в нашем институте дело П.В. Копнина: поддерживать талантливых людей, укротить догматиков и ретроградов. На него сразу же посыпались письма в партийные инстанции. В результате он не проработал на новом месте и года и вынужден был вернуться в свой ИИЕТ, но уже не в качестве директора, а просто как заведующий одним из секторов. Сразу же после ухода Б.М. Кедрова была назначена комиссия ЦК КПСС по изучению ситуации в нашем институте, по особой проверке деятельности тех секторов, которые вызывали подозрения в идеологических грехах. Это коснулось, в частности, того сектора, которым я начал руководить с 1969 г. с подачи П.В. Копнина. В наш институт был назначен директором Б.С. Украинцев, перед которым поставили задачу искоренить идеологическую заразу, представленную, по мнению партийных инстанций, прежде всего двумя секторами: диалектического материализма, которым руководил я, и исторического материализма, который возглавлял В.Ж. Келле (он был представителем другого социального поколения, участником войны, но идейно принадлежал к нашему поколению). Повод для разгрома наших секторов вскоре представился. Из нашего сектора уехал за рубеж на постоянное жительство Б.С. Дынин, из сектора исторического материализма – М.В. Виткин. Мне и В.Ж. Келле объявили по партийному выговору. Сектор исторического материализма практически распустили. Сам В.Ж. Келле перешел работать в ИИЕТ. Наш сектор переименовали в сектор теории познания (это, наверное, было даже хорошо, так как соответствовало тому, чем мы занимались). Наши книги не рекомендовали к печати. То и дело работу сектора проверяли разные комиссии.

Институт истории естествознания и техники, куда Б.М. Кедров вернулся уже не в качестве директора, претерпел большие изменения. Из него ушли В.С. Библер, А.С. Арсеньев, Э.Г. Юдин, В.Н. Садовский, И.В. Блауберг. В институте изменилась атмосфера: началась борьба за «идейную дисциплину». Пришедший туда в середине 1970-х гг. М.К. Мамардашвили через несколько лет вынужден был его покинуть и переехать в Грузию.

С начала 70-х гг. усилились нападки партийных инстанций на журнал «Вопросы философии». Особенно усердствовал в этих нападках секретарь МГК КПСС по идеологии В.Н. Ягодкин. И.Т. Фролову сначала удавалось отбивать атаки, но в 1974 г. ему пришлось расстаться с рядом членов редколлегии, игравших важную роль в журнале: М.К. Мамардашвили, Б.А. Грушиным, Ю.А. Замошкиным. А в 1977 г. и сам И.Т. Фролов вынужден был оставить пост главного редактора и уехать в Прагу работать в журнале «Проблемы мира и социализма».

«Философскую энциклопедию» успели завершить до начала большой кампании по «идеологическому перевоспитанию» нашего поколения. Тем не менее последний, 5-й том этого издания (лучший из всех) подвергли обсуждению и осуждению, в частности, за то, что в нем впервые за многие десятилетия более объективно, чем раньше, рассказывалось о русской религиозной философии.

Начинается кампания травли Э.В. Ильенкова в связи с публикацией им текстов об «Идеальном», которые были восприняты как еретические официальной философией. Некоторые статьи на эту тему он успел опубликовать в «Философской энциклопедии» в 1962 г. и в журнале «Вопросы философии» в 1968 г. Но написанная им новая большая статья об идеальном, предназначенная для коллективной книги нашего сектора, была осуждена как антимарксистская на заседании Ученого совета Института философии в 1976 г., а сама книга не рекомендована к печати. Как сказал мне тогдашний директор института Б.С. Украинцев: «Пока я занимаю пост директора, ни один текст Ильенкова не будет опубликован». Для Эвальда Васильевича начались черные дни: отказ в публикациях, отход ряда близких людей, крах надежд на изменение социальной ситуации. Его смерть в 1979 г. в возрасте 55 лет была неслучайной.

В 1978 г. уезжает из страны А.А. Зиновьев, перед этим исключенный из партии «за антисоветскую деятельность», лишенный всех званий и наград, в том числе полученных во время войны.

Не рекомендуются к публикации книги Г.С. Батищева, Н.Н. Трубникова. Критикуются опубликованные тексты М.К. Мамардашвили. Исключается из партии (а в те годы это означало огромные трудности при устройстве на работу) Г.П. Щедровицкий. Снимается с поста директора Института психологии Академии педагогических наук СССР известный философствующий психолог, близкий друг Э.В. Ильенкова В.В. Давыдов.

Наступили мрачные времена. Кто-то из знаковых фигур нашего поколения умер. Кто-то эмигрировал. Кто-то переехал (И.Т. Фролов, М.К. Мамардашвили). Стало очень трудно публиковаться. Тем не менее и в эти годы философская активность нашего поколения не прекращалась. Продолжали работать неформальные семинары Г.П. Щедровицкого, В.С. Библера, Г.С. Батищева. Лекции М.К. Мамардашвили в Москве (до его переезда в Грузию) собирали огромные аудитории гуманитарной интеллигенции. Г.П. Щедровицкий начал использовать свои методологические идеи для проведения «организационно-деятельностных игр» в разных экономических и деловых структурах для решения практических задач.

Что же удалось сделать нашему поколению в философии с середины 50-х гг. до середины 80-х? Об этом можно писать пространно, и мне приходилось делать это. Сейчас скажу об этом очень кратко.

Интенсивно анализировалась проблематика философии и методологи науки (Э.В. Ильенков, А.А. Зиновьев, В.С. Стёпин, П.В. Копнин, В.С. Швырёв, Е.П. Никитин и др.). Особенность методологических исследований научного знания, осуществленных в это время в отечественной философии, состоит в акценте на изучение генезиса научной теории и логики ее исторического развертывания. В этой связи было разработано понимание научной теории как многоуровневой открытой системы, включающей в себя ряд относительно самостоятельных подсистем. Такое понимание резко контрастировало с господствовавшей в это время в западной философии науки стандартной гипотетико-дедуктивной моделью научной теории и опередило западные исследования в этой области (В.С. Стёпин).

Возникает разветвленное исследование проблематики философии естествознания: проблема причинности в современной науке, принцип соответствия, принцип дополнительности, принцип наблюдаемости, принцип редукции, проблема глобального эволюционизма

и др. (Б.М. Кедров, Н.Ф. Овчинников, И.Т. Фролов, Ю.В. Сачков, И.А. Акчурин, Л.Б. Баженов, В.В. Казютинский, Р.С. Карпинская, Б.С. Грязнов, А.Ф. Зотов, Е.А. Мамчур и др.).

Новый характер получило исследование диалектики. Она была понята не просто как онтологическая схема, а как логика развития теоретической мысли, как способ анализа и разрешения противоречий мышления в традициях Гегеля и Маркса (Э.В. Ильенков, В.С. Библер).

Большой размах получили исследования в области философской логики (П.В. Таванец, Д.П. Горский), в области символической логики, где нашими специалистами был предложен ряд оригинальных подходов (А.А. Зиновьев, В.А. Смирнов, В.К. Финн, Е.К. Войшвилло, Е.А. Сидоренко, В.И. Маркин и др.), при этом возникло плодотворное взаимодействие философов, логиков и математиков (А.А. Марков и др.).

Популярными стали методологические разработки системно-структурных исследований, в которых наряду с философами (В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин, И.В. Блауберг) участвовали биологи, лингвисты, экономисты, социологи.

Э.В. Ильенков сформулировал оригинальное понимание идеального как существующего в формах человеческой деятельности, исходно в формах коллективной деятельности, т. е. тем самым как своеобразной объективной реальности по отношению к индивидуальной психике. Такое понимание выглядело еретическим не только по отношению к нашей официальной философии, но и было совершенно необычным для западной философии того времени (позже похожую идею, хотя и не тождественную ильенковской, сформулировал К. Поппер в своей концепции «третьего мира»). Не приняли этот подход и некоторые люди, включенные в общее движение философского обновления: Д.Д. Дубровский, М.А. Лифшиц. Зато этот подход был подхвачен отечественными психологами, развивавшими идеи культурно-исторической психологии Л.С. Выготского: А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов и др. Между тем эта проблематика стала одной из центральных в современной когнитивной науке.

Интенсивно разрабатывался деятельностный подход в двух планах: во-первых, как способ понимания человека, его творческой природы и выхода за пределы любой наличной ситуации, во-вторых, как важный методологический принцип в науках о человеке, позволяющий разрушить непроходимую стену между внешним и «внутренним», субъективным миром (Э.В. Ильенков, Г.С. Батищев, В.А. Лекторский, В.С. Швырёв, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин).

Как я писал, начиная с 70-х гг. в центре внимания многих философов нашего поколения оказались вопросы философской антропологии.

И.Т. Фролов анализировал проблему смысла жизни и смысла смерти в контексте взаимоотношения философии и естествознания.

М.К. Мамардашвили разработал антропологическую концепцию, в центре которой феномен индивидуального сознания.

Ряд философов стали усматривать специфику человеческого бытия в общении, подчеркивая его несводимость к деятельности (Г.С. Батищев).

Интерес привлекают такие экзистенциальные состояния, как вера, надежда, любовь (В.И. Шинкарук).

Н.Н. Трубников написал интересную работу о времени человеческого бытия.

В.С. Библер связал исследование проблем методологии науки с анализом культуры и разработал оригинальную концепцию «диалога логик» и «диалога культур» («диалогики»).

В контексте интереса к проблеме человека стали интересно разрабатываться проблемы этики (О.Г. Дробницкий, А.А. Гусейнов). Начал оригинальные исследования философии религии Л.Н. Митрохин.

Высланный из страны А.А. Зиновьев в форме так называемой логической социологии создал философско-научную систему, в рамках которой анализировались основные социально-культурные и антропологические проблемы, исследовались системы «коммунизма» и «западнизма».

Хотя в области исторического материализма творчески работать было особенно трудно, тем не менее в начале 70-х гг. появились книги, в которых было дано новое понимание социальной философии Маркса и разработана неортодоксальная концепция общественно-экономической формации (В.Ж. Келле, Ю.М. Бородай, Е.Г. Плимак).

Появились новые подходы в изучении истории философии. Методологические проблемы историко-философских исследований разрабатывались Т.И. Ойзерманом, А.С. Богомоловым. Стали серьезно изучаться различные направления современной западной философии – феноменология, экзистенциализм, неотомизм, философская антропология, критический рационализм, прагматизм, неопозитивизм, герменевтика, структурализм и др. (П.П. Гайденко, Э.Ю. Соловьёв, Н.В. Мотрошилова).

Были сделаны попытки по-новому понять некоторые эпизоды истории русской философии, в частности идеи А.Н. Радищева и Н.Г. Чернышевского (Е.Н. Плимак, Ю.Ф. Карякин, И.В. Пантин, А.И. Володин), но эти попытки были задавлены официальными историками русской философии.

Середина 80-х гг. Начало перестройки. Ситуация снова принципиально меняется. Идея «социализма с человеческим лицом», с которой начинало свою деятельность наше поколение, из ревизионистской становится целью, официально провозглашаемой лидерами отечественной перестройки. Кажется, что политическая и идеологическая власть на нашей стороне. И.Т. Фролов занимает высокие политические посты: главный редактор журнала «Коммунист», главный редактор «Правды», член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПС по идеологии. В.С. Стёпин становится сначала директором Института истории естествознания и техники, а затем директором Института философии (занимал эту должность в течение 18 лет). Я по предложению И.Т. Фролова с декабря 1987 г. начинаю работать в качестве главного редактора журнала «Вопросы философии» (пребывал в этой должности 22 года). Важно, что новая ситуация была нами максимально использована на благо философии.

И.Т. Фролов организует написание и издание нового учебника «Введение в философию», порывающего со сложившимися в советские годы догматическими традициями написания такого рода книг. Для работы над новым учебником он привлек В.С. Швырёва, Б.Г. Юдина, А.И. Ракитова, Н.В. Мотрошилову, Э.Ю. Соловьёва и др. Я тоже участвовал в написании этой книги. Он организует регулярные телевизионные «Философские беседы», которые пользуются большой популярностью и в которых выступают философы, а также интересующиеся философией социологи, психологи, естествоиспытатели, деятели культуры. Он создал в составе Академии наук СССР новое и необычное научное учреждение «Институт человека», который возглавил сам – задачей института была организация междисциплинарных исследований проблем человека при главенствующей роли философии, а эта проблематика начинает доминировать в развитии науки в целом. В новом институте стали работать Б.Г. Юдин, В.Л. Рабинович и другие философы.

Сильно изменился Институт философии. Искусственные, навязанные старой идеологией проблемы (вроде теории научного коммунизма) оставлены в прошлом. Зато стали исследоваться такие вопросы, которые раньше нельзя было серьезно изучать: социальная философия, политическая философия, философия религии, история русской религиозной философии. Возникли новые подходы в изучении проблем теории познания, философии науки, философской антропологии. В институт пришли интересные представители нашего поколения: П.П. Гайденко, А.П. Огурцов, М.А. Розов, Ф.Т. Михайлов и др.

«Вопросы философии» играли в это время особую роль. В рамках круглых столов обсуждались с философской точки зрения злободневные проблемы общественной жизни и науки (демократия, судьбы социализма, роль религии в культуре, методология наук о человеке и др.). На страницах журнала стали публиковаться статьи по истории русской религиозной философии (которая до этого серьезно не могла исследоваться), по замалчивавшимся фигурам советской философии (Г.Г. Шпет, А.А. Богданов, Я.Э. Голосовкер и др.). Начиная с 1989 г. журнал стал в качестве приложения издавать серию «Из истории отечественной философской мысли», в которую вошли переиздания, а иногда первые публикации произведений дореволюционных классиков нашей философии: В.С. Соловьёва, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка и др. К настоящему времени вышло 36 томов серии. Работа над этим изданием дала толчок настоящему исследованию истории русской философии в стране. В журнале, которым руководил я, работали В.И. Мудрагей, А.А. Яковлев, Б.И. Пружинин, В.П. Филатов, А.П. Огурцов, Н.И. Кузнецова, Ю.А. Сенокосов и др. В эти годы «Вопросы философии» стали не только одним из центров развития нашей философии, но и местом притяжения всей мыслящей интеллигенции. Тираж журнала невиданно взлетел: 90 000 экземпляров в месяц.

Перестройка – время активизации представителей нашего поколения. В.С. Библер публикует новые книги, участвует в политических дискуссиях. М.К. Мамардашвили становится кумиром демократической интеллигенции: выходят книги, основанные на записях его лекций, сам он регулярно приезжает из Грузии в Москву, выступает с лекциями, выступает за рубежом. Выходят новые публикации И.Т. Фролова, В.С. Стёпина, В.С. Швырёва, Г.П. Щедровицкого, В.Н. Садовского, П.П. Гайденко, Н.В. Мотрошиловой, Э.Ю. Соловьёва и др. Одним из самых популярных публицистов времен перестройки стал Ю.Ф. Карякин.

Конец 1991 г. Исчезает Советский Союз. Марксизм из официальной идеологии превращается в предмет поношений. Под подозрением оказываются не только приверженцы старых догматических представлений, но и сторонники идеи «социализма с человеческим лицом». В печати появляются статьи, авторы которых призывают не просто отказаться от преподавания в вузах марксистско-ленинской философии, но и философии вообще, предлагая заменить ее либо культурологией, либо теологией. Необходимость разработки философской проблематики тоже ставится под сомнение.

В этой ситуации исключительно важную роль в отстаивании философии, в утверждении необходимости её творческой разработки сыграли Институт философии во главе с В.С. Стёпиным и «Вопросы философии», которые возглавлял я.

Институт не просто сохранил свои позиции, но существенно их укрепил, расширив связи с учеными и деятелями культуры, с зарубежными философами. «Вопросы философии» остались одним из самых любимых журналов не только у философов, но и среди творческой интеллигенции.

В 1993 г. в Москве с большим успехом прошел Всемирный философский конгресс, организованный И.Т. Фроловым. И.Т. Фролов, а затем В.С. Стёпин становятся президентами Российского философского общества, которое провело ряд конгрессов, объединивших философов страны.

90-е и 2000-е гг. – творческий взлет, новые идеи в книгах И.Т. Фролова, В.С. Стёпина, А.А. Гусейнова, П.П. Гайденко, Н.В. Мотрошиловой, Э.Ю. Соловьёва, В.М. Межуева, М.А. Розова, Ф.Т. Михайлова и др. Я выпустил ряд книг, в которых пытался по-новому осмыслить ряд проблем эпистемологии, философии науки, философии сознания.

В 1998 г. в страну вернулся А.А. Зиновьев, развернувший кипучую деятельность: новые книги, выступления по философским, социальным и политическим вопросам. У Зиновьева появилось множество восторженных поклонников.

Ныне в философию пришли новые поколения. Но у нас нет с ними проблем взаимопонимания. Мы говорим на одном философском языке, обсуждаем одни и те же проблемы. Скажу о себе. Я в течение многих лет преподаю философию. Студенты пишут курсовые и дипломные работы под моим руководством. Аспиранты защищают диссертации. Тематику их работ мы определяем совместно. Ряд из защитивших диссертации работают в секторе Института философии, которым я руководил на протяжении 50 лет (почти половина нашего сектора сегодня – это молодежь). Я хорошо знаю и проблемы, которые сегодня исследуют молодые люди, занимающиеся эпистемологией и философией сознания, и литературу (нашу и зарубежную), которую они используют. Нынешняя заведующая нашим сектором Е.О. Труфанова – бывшая моя студентка, писавшая курсовые и дипломную работу под моим руководством, моя аспирантка, а затем мой докторант.

Сегодня активно работает «Зиновьевский клуб» – основная масса его участников не знали лично А.А. Зиновьева. В Костроме ему поставлен памятник: он родился недалеко от этого города. Ежегодно проходят «Ильенковские чтения», привлекающие философскую молодежь из разных регионов России и из других стран. Возникло международное «Общество друзей Эвальда Ильенкова». Каждый год «Фроловские чтения» собирают множество участников – философов и представителей наук о человеке. Действует Институт развития имени Г.П. Щедровицкого, основанное Щедровицким движение организационно-деятельностной методологии имеет массу последователей среди современных теоретиков и практиков. Не уменьшается число поклонников М.К. Мамардашвили. В Тбилиси ему поставлен бюст. Проходят «Стёпинские чтения». Идеи Г.С. Батищева привлекают молодежь в нашей стране и в других странах (Украина, Казахстан). Разработанная М.А. Розовым концепция социальных эстафет набирает популярность в Москве, Новосибирске и других регионах страны. И.Т. Фролов, В.С. Стёпин, А.А. Гусейнов и я – академики Российской академии наук. В.С. Стёпин, А.А. Гусейнов и я избраны действительными членами Международного института философии (штаб-квартира в Париже).

Летает самолет «Академик Иван Фролов».

У Эвальда Васильевича Ильенкова был друг, философствующий физик П.Г. Кузнецов, во многих отношениях замечательный человек. Его звали Побиск, что означает «поколение отважных борцов и строителей коммунизма» – такое имя ему придумали революционно настроенные родители. «Отважный строитель коммунизма» прошел всю войну, а потом сидел в сталинском концлагере по обвинению в «антисоветской агитации».

Наше философское поколение – это поколение отважных борцов и строителей новой философии.